

ТАТЬЯНА АБАЛОВА

ДЕРЖИ МЕНЯ, СОЛОМИНКА!

Татьяна Абалова

Держи меня, соломинка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371721

SelfPub; 2024

Аннотация

Анна после ссоры с любимым едет в деревню, где собирается привести чувства в порядок. В местном клубе ставят спектакль «Красная Шапочка на новый лад», где Аня получает главную роль. На сцене вспыхивают нешуточные страсти: противостояние Волка и Охотника из сказочной жизни перетекает в реальную. Как теперь спастись Шапке, если за ее сердцем охотятся сразу двое?

Содержание

Глава 1. Знакомьтесь, семья Гончаровых	4
Глава 2. Театральные страсти	11
Глава 3. Что умеют гадалки	17
Глава 4. Не все волки злые	23
Глава 5. Удивительные чтения	30
Глава 6. Про свидание Шапки с Волком	38
Глава 7. Воспоминания о былом	47
Глава 8. Дубровский, прием-прием!	53
Глава 9. Загадки для ума	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна Абалова

Держи меня, соломинка!

Глава 1. Знакомьтесь, семья Гончаровых

– Мама, он перестал мне звонить, а если звоню я, делает вид, что очень занят. Чертов проект, – я вытерла нос. Платок уже был мокр от слез, а теперь потекло и из носа. Я пыталась не плакать, но отчаяние и обида душили. – Я... я даже пошла к нему домой, – мне было стыдно признаться маме, что я сделала глупость, за которую ругала себя. – Но Андрей встретил меня на пороге, сделав вид, что собирается уходить. Схватил пиджак и, держа его в охапке, шагнул за дверь. В лифте одевался и бубнил, что опаздывает на встречу. Ага, в дырявых джинсах и кроссовках. Мама, – я завывала белугой, – он меня бросил! У него есть другая! Я уверена, она была у Андрея дома, когда я приперлась. Он просто боялся моей истерики.

Истерика все же случилась. Пришлось подключиться отцу. Врач-психиатр, он нашел верные слова. Я накапала себе сорок капель успокоительного и, захлебываясь, выпила все. Через час родители перезвонили.

– Так, слушай внимательно, – отец говорил короткими фразами, чтобы я воспринимала его слова как команду и не вздумала сопротивляться. – Сейчас же пишешь заявление на отпуск. Отправляешь файл Андрею и копию в отдел кадров. После этого блокируешь все рабочие контакты. Собираешь вещи, едешь на вокзал и садишься в поезд на Себеж. Бабушка уже в курсе, что ты погостишь у нее. Приведешь свои чувства в порядок. Заодно подумаешь, так ли тебе нужен Андрей.

Звякнул телефон, оповещая, что пришло сообщение. Отупленная лошадиной дозой лекарства, я уставилась на электронный билет Москва–Себеж. И вот я уже трясусь на верхней полке в поезде, который все дальше увозит меня от Андрея Викторовича – моего возлюбленного и босса по совместительству.

Страдала я всю ночь и все утро, пока не объявили нужную станцию. Похватила вещи и понеслась, боясь не успеть – слишком короткая остановка. Буквально выбросилась из вагона и тут же попала в руки деда, полковника в отставке, все такого же подтянутого и твердо стоящего на земле, как и в годы службы. Однако благородная седина и морщины, сильно заметные на загорелом лице, не позволяли скрыть возраст «далеко за шестьдесят», как любила говорить бабушка. У нее с возрастом были особые отношения.

– По машинам! – скомандовал дед, хватая набитые барахлом чемоданы.

Мне нравилась его немногословность. Он видел припухшие глаза и отсутствие настроения, но с расспросами не лез. Пока мы неслись на уазике, который прыгал по ухабам, будто козел, дед косил на меня голубым глазом и сокрушенно качал головой. Выдохнул, когда передал меня в руки дражайшей супруги.

– Вероника Романовна, принимай!

– Благодарю, Иван Иванович, – легкий кивок в его сторону и поворот головы, чтобы я клюнула ее в надушенную щеку.

Бабушка была весьма своеобразной особой. Стройная, без единого грамма жира, с прямой спиной и поджатыми губами. Благородный нос с горбинкой всегда задран на сантиметр выше, чем у обычных людей. Панская кровь давала о себе знать. А актерская молодость все еще чувствовалась в каждом движении. И не скажешь, что ба всю жизнь моталась по гарнизонам, раз и навсегда влюбившись в голубоглазого лейтенанта Ивана Гончарова. Ради него Вероника Орловская ушла со сцены, хотя ей прочили славу и успех. Во всяком случае, так утверждал дед. Попробовал бы сказать иначе. По заведенному порядку, они обращались друг к другу только по имени-отчеству.

Взбитые высоко вверх пепельные волосы, аккуратно подведенные глаза и покрашенный непременно красной помадой рот делали из ба женщину неопределенного возраста. Яркая, легкая и необычная для сельской местности, словно

залетевшая в северные края райская птичка, Вероника Романовна определенно являлась местной достопримечательностью.

– Я остановила счет, когда мне исполнилось пятьдесят, – напоминала она, когда мы, внуки, начинали хихикать, увидев торт все с тем же числом свечей. – Хочу, чтобы вы запомнили, мне никогда не будет и на минуту больше.

– Угу, так и запишем в некрологе: «Отдала богу душу, отмечая сороковое пятидесятилетие», – язвил дед, за что награждался убийственным взглядом. Бабушка ревностно пересчитывала свечи и только после этого задувала.

Я улыбнулась приятным воспоминаниям. Я любила всех Гончаровых без исключения и была рада новой встрече.

Указав приглашающим жестом на дверь, ба царственной походкой вошла в дом первой.

– У тебя синяки под глазами, – сказала она мне, не поворачивая головы. Я послушно плелась следом и внимала. Нельзя было не внимать. Бабушка не простила бы невнимания. – Надо что-то с этим делать. Тебе всего двадцать три и, если так пойдет дальше, к моему возрасту ты будешь похожа на старуху Извергиль.

Я однажды попыталась поправить ее, не понимая, как бабушка, знающая классику чуть ли не наизусть, могла так опростоволоситься. Но тетя Надя – жена папиного брата, быстро объяснила, что в их деревне с недавних пор поселилась именно Извергиль, поскольку ее рот извергает только

бренные слова. Когда я впервые увидела героиню рассказов, идущую шаткой походкой из местного сельпо, решила, что Извергиль мотает от забора к забору от старости. Маленькая, сухонькая, несущая в охапке две огромные буханки, она поравнялась со мной, и меня буквально сшиб сильный винный дух.

– Что уставилась, курва? – извергла старушка беззубым ртом.

– Доброй дороги, бабушка, – сама не поняла, почему выдала именно эту фразу.

Мне тоже пожелали доброго пути.

– Иди на х...!

Я отогнала образ дерзкой Извергиль, когда из кухни, вытирая руки о фартук, выбралась Надя и прижала меня к могучей груди. От тетки приятно пахло сдобой. И сама она была словно булочка. Большая и мягкая. Но у ее мужа, который был ниже Надежды на полголовы, были другие ассоциации. Он ласково называл ее «Моя Медведица».

– Добро пожаловать, деточка! Умаялась, должно быть, с дороги? А я борща как раз наварила. Сейчас стол накрою.

Еще один яркий представитель семьи Гончаровых. Добрая и хлопотливая, улыбчивая и сердобольная, она, сама того не подозревая, являлась ядром семьи. Мама рассказывала, что бабушка долго не понимала, как ее старший сын-близнец (разница в рождении между ним и моим папой ровно полчасика) мог выбрать такую жену – простую деревенскую бабу. С

ручищами, как у мужика, с задом, который легко покрывал широкую табуретку, с роскошной темно русой косой, толщиной с бабушкину ногу и, наверное, такой же длины. А ее старшенький был счастлив.

Поняла Вероника Романовна, какое им досталось сокровище, только тогда, когда ее муж вышел в отставку. Он объявил, что желает, чтобы наследник и его семья жили с родителями одним домом. Сообща отстроили двухэтажный коттедж, завели корову, парочку свиноматок и дюжину курочек. Покладистый незлобивый характер снохи уравнивал остальных. В спорах дед всегда принимал ее сторону. Знал, кто кормит в этом доме. А бабушка быстро сообразила, что не будь Нади, пришлось бы научиться доить корову самой. Иван Иванович Гончаров всегда мечтал жить на земле. И чтобы непременно домашние яйца.

– Дядю Толю и не надейся увидеть, его опять вызвали на объект, – Надежда сноровисто выставляла наготовленное на стол. Соления и маринады, холодную закуску и запотевшую бутылку, на которую с одобрением взирал дед, пытающийся помочь, но больше неловко попадающий под руку. – А Ксения приедет только на выходных. Столько работы в ветклинике, что вырваться не может. Ты, наверное, еще не знаешь, что родители Мити сосватали нашу Ксюшу? Свадьба будет как раз перед Новым годом.

– Ого! Поздравляю! Рада за сестру.

Тетка, оглядев праздничную сервировку, вдруг гаркнула

так, что у меня заложило ухо:

– Народ! Все готово! Садимся!

Не знаю, кого Надя назвала народом. Мы с дедом были здесь, а появившаяся в дверях бабушка, успевшая переодеться к столу (очередная традиция), к «народу» никак не относилась. Белая кость, голубая кровь.

– Ну, с приездом! – дед, сглотнув голодную слюну, поднял рюмку.

– За Анечку и Ксюшу! Пусть у наших девочек все будет хорошо, – подхватила тост проницательная Надя, заметившая мои красные глаза, и, чокнувшись с нами, пригубила собственноручно сделанную наливку. Я тоже не отказалась от вишневки. Бабушка обошлась водой с кубиками льда в хрустальном фужере.

«Каждая капля спиртного отнимает у нас кусочек памяти, – любила напоминать она доказанный наукой факт. – Деменция – это не для меня».

Дед выпивал, но с чувством вины. Явно переживал, что однажды не вспомнит воинский устав.

Глава 2. Театральные страсти

Не успела я моргнуть, как пролетело два дня. Я наслаждалась отдыхом и приятной компанией. Правы были родители, отправив меня в деревню. Вольный и вкусно пахнущий хвоей ветер быстро выветрил хандру. Деревня находилась на стыке трех государств – отсюда до Латвии и Беларуси было рукой подать. Белый песок впитывал влагу, поэтому здесь не нашлось места той извечной грязи, которая у нас, горожан, ассоциируется с сельской жизнью. Соседство с Себежским национальным парком, чистый воздух, обильные грибами и ягодами леса привлекали дачников не только из Пскова, но и из Питера. Даже сейчас, когда лето уступало свои позиции осени, приезжие упорно оставались в деревне и активно участвовали в общественной жизни.

– Ба, а что за объявление висит на нашем клубе? – я только вернулась из магазина, куда напросилась сама. Специально сделала крюк, чтобы пройтись по центральной улице и посмотреть, чем дышит Медведково. Крупные буквы на доске объявлений звали присоединиться к прослушиваниям на роль в спектакле. Ко Дню деревни силами местных собирались ставить сказку «Красная Шапочка на новый лад».

– Она сама его рисовала, – дед оторвался от книги и сдвинул очки на лоб. – Вероника Романовна собирается блеснуть на сцене, но для роли Бабушки считает себя слишком моло-

дой.

– Разве нет? – бабушка обернулась на деда. Ее глаза полыхали огнем. Она сидела на крохотной табуретке перед огромным сундуком, стилизованным под старину, и перебирала какие-то вещи. В комнате приятно пахло лавандой – еще одно отличие ба от прочих пенсионерок. Никакого нафталина. – Ты только вспомни сказку. Шапкина бабка была немощной, лежала в постели и даже дверь открыть не могла. Я разве такая?

– Наша молодка мечтает саму Шапку играть, но господин Рубинчик противится, – дед подмигнул мне.

– Вот увидишь, он отдаст эту роль своей разлюбезной супруге, – бабушка презрительно фыркнула. – Сара притащила из дома красный бархатный плащ и крутилась в нем в гри머ке. Специально, чтобы меня позлить.

Судя по борьбе за роль Красной Шапочки двух дам, давно перешагнувших бальзаковский возраст, у молодежи особого желания присоединяться к постановке не было.

– Уверен, не отдаст, – дед отложил книгу. – Нам с Сарой Леопольдовной выпадет честь сидеть в оркестровой яме.

Я была знакома с четой Рубинчик. Плотненький, лысоватый, вечно потеющий и активно волнующийся заведующий клубом и его рассудительная, рыхловатая телом, но никак не мозгами жена устраивали литературные и музыкальные вечера, которые неизменно заканчивались дискотекой. Только такой финал мог заставить прийти на высокодуховные меро-

приятия любителей потанцевать. А тут, надо же, придумали что-то новенькое.

– Сходишь с нами на пробы? Поможешь баян нести, а то у меня с позвоночником нелады. Который день мучаюсь, – дед, скривившись, потер спину. Я еще не знала, насколько сильно перекроили «Красную Шапочку», но уже понимала, почему офицер в отставке не получит роль Охотника. Дед плохой актер. Час назад он лихо гонялся за соседской кошкой, повадившейся в наш курятник, а теперь морщился и строил из себя больного, лишь бы найти повод затащить меня в клуб.

Особо уговаривать не пришлось, мне и самой хотелось посмотреть, кто соберется на чтениях. Интересно было узнать, кому выпадет счастье сыграть Шапочку. Сама я ни на что не претендовала – до Дня деревни было больше месяца, а отпуск не резиновый. Но хоть какое-то развлечение. Я могла бы помочь в подгонке театральных костюмов, например. Как раз ими и занималась бабушка, рассматривая очередное «сокровище», которое путешествовало вместе с ней по гарнизонам. Маскарады и новогодние вечеринки регулярно пополняли ее коллекцию нарядов, и теперь в них можно было переодеть полдеревни.

– Костюм пирата мы переделаем под Охотника, – бабушка трясла полосатыми штанами и входящей в комплект погнутой картонной саблей. Дед потянулся и вытащил из сундука кособокую треуголку с вышитым на ней Веселым Роджером. Напялил на голову.

– Славные были времена, – одной фразой он выдал и боль об ушедшем времени, и любовь к армии.

Чтения сценария намечались на воскресенье, поскольку большинство дачников приезжало по выходным, а господин Рубинчик, как называл режиссера дед, собирался привлечь к пробам на роли и к последующей помощи в организации спектакля как можно больше людей.

– Он надеется, – дед хитро улыбнулся, – что Шапочке будет хотя бы сорок.

– Может, меня в Шапки возьмете? – появившаяся в дверях тетя Надя улыбалась во весь рот. – Мне как раз сорок два.

Бабушка вздрогнула, видимо, представила кругленькую Надю в роли девочки (в себе ее ничто не смущало), а дед, чтобы скрыть неловкость, тут же выдал снохе «утешительный приз».

– Тебе, Надюша, достанется более ответственная роль – напечешь пирожки. Они у тебя просто замечательные. Не стыдно будет положить в корзинку.

– Да я же пошутила!

– А я нет.

Господин Рубинчик, не зная того, был спасен. Роль Шапки оставалась вакантна. Я прямо предвкушала чтения и с нетерпением ждала воскресенья.

В субботу приехала Ксения и едва не удушила в объятиях. Мне нравилась моя двоюродная сестра. Такая же добрая

и живая, как ее мама, она почти ничего не взяла от светло-волосых и тонкокостных Гончаровых. Рядом со мной Ксюха выглядела умным ротвейлером, снисходительно взирающим на избалованного чихуахуа. Если бы не ее легкий нрав, она наверняка ревновала бы бабушку ко мне. Ба любила меня больше только из-за того, что я была ее копией. Правда, нос с горбинкой никто из отпрысков не унаследовал, но все равно, стоило нам появиться вместе, как всякий угадывал, что мы близкие родственницы.

– Ты у нас на сколько?

– На неполные три недели, – мы вошли в комнату Ксюхи, держась за руки. Как когда-то в детстве.

– Жаль, что не успеешь спектакль посмотреть. Бабушка мне все уши прожужжала.

– Ты сама не хочешь на какую-нибудь роль попробовать? Вдруг в тебе спят бабушкины таланты?

Сестра, задрав рукав майки, согнула руку в локте и показала крутой бицепс. Ксюха в свободное от работы время ходила в тренажерный зал, и я наглядно увидела результат: штанга сделала из нее женщину-скалу. Тяжелой атлетикой невесту увлек Митя, который был такой же квадратный и гордился тем, что может выжать какой-то ужасный вес.

– Разве что на роль охотника, – позубоскалила Ксюша. Вытряхнув из рюкзака одежду, побросала на пол то, что требовало стирки, остальное повесила на плечики. – Слышала, меня сосватали?

– Первым делом мама рассказала, – я села на кровать.

– Мы уже заявление подали. Приедешь на свадьбу? Только Новый год придется здесь провести. Ты бы только знала, какие гуляния мы придумали! Свадьба века!

– Представляю, – отвела глаза я, вспомнив о неопределенных отношениях с Андреем. Если он на самом деле взял тайм-аут из-за важного проекта, то мы оправимся на Новый год куда-нибудь за границу, как в прошлый раз. Это не будет обсуждаться. Босс просто купит мне билет и пришлет сообщение по телефону.

– Андрей еще не сделал тебе предложение? – осторожно поинтересовалась Ксения. – Вы почти два года вместе.

– Нет, у нас все сложно, – я вздохнула. – Тебе повезло с Митей.

– Да, он хороший, – сестра разулыбалась. Глаза горели счастьем. Хватило одного упоминания. – Не поверишь, с ним у меня все случилось так, как предсказала гадалка. Я не рассказывала? О, это замечательная история.

Глава 3. Что умеют гадалки

– Стоило мне войти в хату, – вещала Ксения, сев рядом, отчего матрас перекосило, и меня привалило к ее боку, – как пророчица выдала: ищи суженого в таком месте, где труд выбивает семь потов, а боль приносит удовлетворение. Я неделю ходила в недоумении, пытаюсь разгадать загадку. Боль – это травма, больница. Никак, думаю, мне выпало выйти замуж за доктора? Но как привязать ко всему этому семь потов? Неужели она говорила о БДСМ? Так и ломала голову, пока на глаза не попало объявление об открытии тренажерного зала. «Это же и есть разгадка!» – воскликнула я. Ведь точно сойдет семь потов, пока будешь корячиться на тренажерах. А мышечная боль – свидетельство того, что твое тело подтягивается, становится красивым. Короче, после работы я зашла полюбопытствовать. И как ты думаешь, с кем я столкнулась в дверях зала?

Сестра с упоением делилась, как сбылись пророчества гадалки, а я пыталась осмыслить, почему в моей жизни все так сложно и туманно. Откуда бесконечные запинки и недомолвки в отношениях с Андреем? Из-за того, что он намного старше? Или потому, что Андрей Викторович мой босс? И конечно же, на предложение сестры узнать свою судьбу я ответила согласием. Верю-не верю – это уже дело десятое. Утопающий хватается за соломинку.

– Тебе покажутся ее советы странными, но, пожалуйста, не смейся. Делай, как она скажет.

Мы с Ксюхой, кутаясь в пуховые платки, одолженные у Нади, торопливо шли по темной улице в сторону околицы. Перед нами прыгал круг света фонарика, который мы благо-разумно захватили с собой.

Жилище городской сумасшедшей, которую Ксения называла пророчицей, находилось на отшибе. Женщина неопределенного возраста приехала сюда погостить у знакомой, но ей так понравилась наша деревня, что она тут же купила дом перебравшейся в Себеж почтальонши.

Уже приближаясь к нему, темному, кажущемуся в полумраке владениями бабы–яги, я почувствовала озноб, а сидящая на заборе черная кошка, блеснув глазами, так и вовсе нагнала страха.

– Кто пожаловал в ночь глухую! – каркнули из дома, слышав наш топот на крыльце.

– Мы погадать, тетя Маруся! – Ксюха нашла мою руку и крепко сжала, чуя, что я готова кинуться прочь.

– Сначала деньги, – за дверь высунулась ладонь. Сестра с готовностью вложила в нее монету. – Заходите. Только обувь снимите.

Внутренний антураж вполне соответствовал внешнему: огромная печь занимала добрую часть душевной комнаты. У меня сразу же закружилась голова. Густо пахло лесной травой – связанная в пучки, она висела на стенах. В трехлит-

ровой банке, подсвеченной одинокой свечой, бился пойманный в плен мотылек. Его стук о стекло резал слух и добавлял чувство нереального. Нас усадили за накрытый клеенкой стол. Скамья, отполированная до блеска множеством задов, говорила о прибыльности гадального дела. Сама прорицательница торопливо заняла кресло, увешанное шкурами, и воззрилась на нас. В ее руках щелкали четки.

На голове женщины была накручена огромная чалма. На шее болталось несколько ниток бус, гремящих при малейшем движении. Темный балахон скрывал очертания фигуры, но по острым плечикам и тонким запястьям можно было угадать, что их хозяйка чрезмерно тоща. Острые скулы и ниточка губ, провалы подкрашенных черным глаз и висящие паклей рыжеватые волосы не прибавляли шарму, но вполне соответствовали окружающей обстановке. Единственное, что в гадалке уравнивало огромную чалму, делающую ее похожей на Чупа-чупс, был такой же выдающийся нос.

Ксения пихнула меня локтем. Занятая разглядыванием, я не услышала вопрос.

– Она хочет знать, что ее ждет впереди, – за меня ответила сестра.

– Да, – ожила я. – Мне бы понять, как жить дальше.

Конечно, я пребывала в здравом уме, чтобы положиться на советы женщины, которую вижу в первый раз. Но я должна была следовать правилам игры.

– Дай свою руку.

Я послушно протянула, думая, что Маруся начнет разглядывать линию судьбы, но нет – мне в ладонь вложили горстку разноцветных камней.

– Согрей их своим дыханием.

Пришлось поднести к лицу и подышать на камни.

– Теперь бросай в тарелку.

Гадалка придвинула ко мне плоское глиняное блюдо, рисунок на котором был похож на лоскутное одеяло. Камни, грохоча, разлетелись по поверхности и застыли каждый в своем квадрате. Маруся воззрилась на них и погрузилась в долгое раздумье. Я уже начала ерзать, но сестра прижала мое колено рукой. Мол, не мешай процессу.

– Трудно тебе придется, девонька. На горизонте аж три жениха, – заговорила, наконец, прорицательница.

– Куда мне столько? – я с сомнением покачала головой, но Маруся меня не слушала, вещала свое:

– Но погнавшись за пустышкой, не упusti того единственного, что мог бы стать твоей судьбой.

Я вздохнула. С чего начали, к тому и пришли, только теперь вместо одной проблемы, мне напороочили целых три.

– И как угадать того, единственного? Как не погнаться за химерой? – я уже знала ответ. Все гадалки отделяются банальным «слушай свое сердце».

Но эта удивила.

– Твоя дорога в рощу. Найдешь там дуб с дуплом, вложишь в него записку, где попросишь милости у лесного духа.

Если попросишь с чувством, подробно объяснив свои трудности, он не даст оступиться.

Я вытаращила глаза, не зная, что на подобный совет ответить.

– Ты, милая, находишься в волшебном месте. На пересечении трех дорог, – гадалка печально вздохнула, словно приходилось объяснять неразумному дитя. – За спиной Россия–матушка, слева ее сестрица Беларусь, справа кузина Латвия, и все со своими древними традициями и богами. Сама природа нашепчет, как поступить правильно! – она указала пальцем вверх, и мы с Ксюхой одновременно посмотрели на давно не крашенный потолок. – Только не забудь сходить к тому дубу через три дня!

– За ответом? – хихикнула я.

Маруся осуждающе покачала головой.

– Заберешь свою записку. Не следует мусорить в лесу.

Пока мы с Ксюхой трусили до дома, переговаривались.

– Помочь найти дуб? – сестра заметила, что я озадачена нелепым советом.

– Думаешь, я настолько наивная, чтобы поверить этой актрисе?

– Ну у меня же сбылось?

– Если бы ты не думала о пророчестве, тебе не пришло бы в голову пойти в тренажерный зал. Вот уж где всегда полно мужчин. Выбирай – не хочу.

– Да, согласна, не велика была забота наведаться в сосед-

нее здание. Но не пошла бы, не встретила Митю, – в голосе Ксении слышалась обида. – А тебе всего лишь предложили написать сочинение и найти дуб с дуплом. Почему бы не попробовать? Хотя бы в шутку?

– Угу. Поиграть в Машу, которая писала письма Дубровскому и сообщалась с ним через дупло.

– Точно!

Нам обеим понравилось сравнение, поэтому тишину ночной улицы разбавил наш с сестрой смех.

«А почему бы и нет?» – решила я и, вернувшись домой, подобно девушкам времен Лермонтова и Пушкина села за письмо.

Глава 4. Не все волки злые

Для создания настроения я запалила свечу, накинула на ночную сорочку бабушкину шаль, положила перед собой страницу, вырванную из тетради, и сунула кончик ручки в рот.

– Итак, она звалась Татьяной....

Я грызла колпачок и думала, с чего начать. Как-то глупо звучит: «Здравствуйте, лесной дух! Меня направила к вам ясновидящая Маруся. Помогите определиться с женихом, да и вообще с жизнью. Условия странного уравнения таковы: известен только первый кандидат на мою руку, остальных двух в глаза не видела».

– Запишем их как мистер Икс и мистер Игрек, – обозначила я для себя неизвестных членов любовного уравнения, выводя буквы латинского алфавита в уголке листа. Подумав немного, написала на чистой странице «Здравствуйте!» и, упустив кажущееся глупым обращение, изложила сложную историю своих отношений с Андреем. В итоге я попросила не дать мне пройти мимо грядущего счастья и поделиться советом. Немного подумала и подписалась внизу: «Просто Мария». Я знала, как быстро по деревне расползутся сплетни, стоит кому-то болтливому разнюхать чужой секрет. Я обезопасила себя со всех сторон, назвавшись чужим именем.

Чуть свет я тайно покинула дом. Слышала, как Надя гремит ведрами в сарае, где топчется и ждет утренней дойки корова. Цыкнула на несушек, кинувшихся ко мне с громким кудахтаньем, думая, что я пришла задать им корм.

— Кыш, предательницы! — я едва не упала из-за бестолковых кур.

— Кто там без дела шляется? — тут же послышался грозный окрик Надежды, и я, перепрыгнув через невысокий штакетник, понеслась в сторону дубовой рощи. Как объяснить домочадцам, что я двинулась головой и спешу отыскать дерево, чтобы спрятать в нем секретное послание? Чтобы лесной дух как следует разобрался в моей ситуации, пришлось изложить подробности жизни аж на четырех тетрадных листах.

Дубовая роща раскинулась на противоположном конце, поэтому пришлось мчаться через всю деревню. Когда добежала до околицы, обнаружила выстроившиеся в ряд новенькие коттеджи. Судя по стилю и высоким заборам с камерами наблюдения, принадлежали они вовсе не простым дачникам. А я даже не слышала, что за прошедшие два-три года Медведково так сильно разрослось.

Я остановилась, чтобы перевести дух, а заодно определиться с какой стороны начать поиски дупла. Пошла по тропинке, ведущей трем красавцам-дубам, стоящим в стороне от остальных. При этом внимательно смотрела себе под ноги. Мне хватило впечатлений, когда однажды едва не наступила змею, греющуюся на песочке.

На мое счастье один из трех дубов был с дуплом, но оно располагалось так высоко, что мне пришлось изрядно постараться, чтобы сунуть в него послание. Получилось только с подскока. Назад шла с чувством выполненного долга. Считала, что теперь я в надежных руках. Волшебный дух присматривает за мной.

Но не тут-то было. У магазина на центральной улице меня едва не сбил мотоциклист. За шлемом не смогла разглядеть лица, но послать ему вслед крепкое словцо успела. Устыдилась, когда услышала каркающий смех. Старуха Извергиль, ждущая на крыльце сельпо, когда откроется винный отдел, показала мне всемирно известный знак одобрения – большой палец.

– Растет пополнение! – с гордостью прошамкала она, не забыв обругать «обнаглевших ***». Простонародное слово, метко характеризующее любителей однополых отношений, я никогда не рискнула бы проорать на всю улицу. Местные мужики такого баловства не понимали, а потому могли набить морду любому, кто их обозвал.

Так и случилось: мы обе застыли, когда поняли, что оскорбленный мотоциклист разворачивается и едет к нам. Извергиль со скоростью проворной белки шмыгнула за магазин, я же осталась встречать кару одна. Для уверенности уперла кулаки в бока и по примеру родственницы задрала нос на сантиметр выше положенного.

– Снежинка! Ты ли это? – мотоциклист затормозил в мет-

ре от меня и снял шлем.

– Волк?! Волчара! Какой же ты стал здоровый! – я кинулась к другу детства.

Мы не виделись лет десять, если не больше. Еще в школьные годы Волков-старший, разбогатев на фермерском деле, отправил наследника постигать знания за границей. Рассказывали, что Макс даже пытался сбежать из английского пансиона для мальчиков, но строгий отец быстро отбил охоту к своеволию. Намаявшись на чужбине, Максим вернулся, когда ему стукнуло восемнадцать, и наотрез отказался учиться где-либо, кроме России. Бабушка как-то упомянула со свойственным ей сарказмом, что после окончания аграрного университета, Волк практикует свой чистый английский с буренками иностранных пород.

– Я тебя не узнал, – он улыбался во весь рот. Темно-серые глаза лучились счастьем. – Ты стала такая... такая...

– Взрослая? – я не отставала в проявлении чувств. Губы сами разъехались в искренней улыбке. Приятно встретить старого знакомого.

– Улетная.

– Ты тоже изменился, – я потрепала его по русоволосой макушке. – В шлеме особенно не узнать. Сделался здоровым, словно бык.

– Снежинка, – он поднес руку к моему лицу и ласково провел большим пальцем по брови, – меня профессия обязывает быть сильным.

Я не думала уклоняться от неожиданной ласки, помня детскую любовь и случай, что заставил нас сблизиться. Лишь Максим имел право называть меня Снежинкой. Другим не разрешалось, поскольку это был наш и только наш большой секрет.

Однажды, когда я приехала к бабушке на зимние каникулы, Макс в порыве щенячьей нежности ткнул меня лицом в сугроб, не подозревая, что под пушистым снегом лежат ледяные глыбы. У меня до сих пор сохранилась под бровью ниточка шрама. Нас тогда обоих напугала кровь, хлынувшая из раны. Размазывая слезы, сопли и кровь по лицу, я видела, какими глазами смотрел на меня Максимка, когда фельдшер спросил, кто сотворил со мной такое зверство. Узнай правду Волков-старший, он точно выдрал бы сына. Дядя Паша был с ним слишком суров. Я соврала медработнику, что съехала головой вниз с ледяной горки.

Мой первый, пусть и детский поцелуй, тоже был с Максом.

– Вечером смотаемся в Себеж? – он похлопал по заднему сиденью. – Посидим в кафе.

Я вздохнула и покачала головой.

– Не могу. Обещала деду пойти с ним в клуб.

– А что там? Вроде дискотеки сегодня нет.

– Да так. Ерунда. Будут распределять роли в спектакле ко Дню деревни, – я махнула рукой, прекрасно понимая, что Макса, хоть он и носит прозвище Волк, в клуб никакими

пряниками не заманишь. Двадцать пять лет не тот возраст, когда есть желание играть в сказки.

– Тогда завтра съездим? Или для меня всегда «нет»? – Максим склонил голову к плечу. В глазах светилось напряженное ожидание.

– Завтра смогу, – развеяла его сомнения я.

– Ты замужем? – он вдруг вспомнил, что я всего на два года младше.

– Нет.

– Жених есть?

Макс посмотрел в конец улицы, словно надеялся увидеть там ждущего меня мужчину. Будто я, такая красавица, не могу ходить одна. Когда-то, еще до отъезда в пансион, Волков встречал меня у дверей дома и провожал до них. Мы ходили только вдвоем. Держались за руки.

Наткнувшись взглядом на Извергиль, Максим усмехнулся – старуха показала ему средний палец. Неугомонная. Я замялась, не зная, как ответить на вопрос. Есть у меня Андрей или нет?

– Понятно. Есть, но не здесь, – Волков понял заминку по-своему.

Я неопределенно пожала плечами.

– Я пошла. Бабушка будет беспокоиться.

– Хочешь подвезу?

– Не надо, – я знала, что грохот мотоцикла заставит вывалиться на крыльцо всех Гончаровых, а я еще надеялась неза-

метно вернуться в дом. – Прогуляюсь. Утро хорошее.

– Тогда до завтра? Я за тобой заеду.

– Давай.

Я шла домой и улыбалась. Не знаю, что помогло: провидение или скорая помощь лесного духа, но я твердо знала, кто прячется за маской Мистера Икс. Судьба подбросила мне встречу с человеком, к которому я очень тепло относилась. Нас связывали замечательные воспоминания.

Осталось дело за Мистером Игрек.

Глава 5. Удивительные чтения

В клуб собирались словно на свадьбу. Бабушка пахла французскими духами, дед дорогим коньяком. Дома осталась только Надя, поставившая тесто для пробных пирожков. Все были заняты мыслями о предстоящем спектакле.

Делегацию театралов-любителей возглавляла бабушка, как всегда, задравшая нос на непозволительную высоту. Цоканье ее каблучков заставляло соседей высунуться в окна, чтобы в очередной раз полюбоваться на райскую птичку. Сегодня она была в красном. В летящем наряде Вероники Романовны читалось тайное желание выглядеть молодой и годной на главную роль.

Следом вышагивал строевым шагом дед. Он старался держаться мысленно нарисованной прямой линии, поскольку дегустация марочного коньяка неожиданно затянулась. Надо было бабушке с утра взяться за прическу, и тогда у деда не оказалось бы столько свободного времени.

Мы с Ксюшей по очереди тащили тяжелый баян. Большей частью она, поскольку в сестре силы было немерено. Я изредка брала его в руки, чтобы показать, что в клуб иду не просто так, а по делу. Замыкал нашу процессию любимчик деда пес Полкан, сорвавшийся с цепи. И не было никаких сил прогнать его назад.

– Мы с ним одной крови, – веселился дед, видя наши по-

туги навести порядок в строю. — Я полкан и он Полкан. Он, как и я, будет блюсти вашу честь.

— Как будто на нее кто-то покушается, — Ксения, видя, что я под тяжестью баяна согнулась пополам, сжалилась и забрала музыкальную махину, в которой чувствовалось не меньше десяти килограмм веса.

Возле клуба неожиданно оказалось слишком многолюдно. В основном толклась молодежь, ищущая, чем бы заняться в воскресный вечер. Путались под ногами дети. Дискотеки проводились исключительно по субботам, чтобы трудовая неделя начиналась без опозданий и с трезвой головой — так постановило правление сельсовета. Выгнанные из клуба взашей подростки с недовольством косились на Сару Леопольдовну, которая пропускала в святая святых только тех, кто, по ее мнению, подходил на роль или мог пригодиться в процессе подготовки. Забракованный женой режиссера народ роптал: такая потеха — и только для избранных!

— Зайка, может, все же поменяешь свое решение? — супруге заискивающе заглядывал в глаза господин Рубинчик. — Надо приобщать молодых. А вдруг им понравится, и кто-то захочет поучаствовать?

— Знаю я их, — Сара, уперев руки в бока, стояла стеной. — Они же сюда развлечься явились. Позубоскалить и насорить. Мети потом. Нет, не пущу.

Супругам пришлось отойти, чтобы пропустить нашу семью. Дед, удивившись, что на ответственных рубежах сто-

ит женщина, быстро взял дело в свои руки. Развернув Сару Леопольдовну в сторону зала, легонько подтолкнул ее по направлению к сцене, где дожидался аккомпаниатора черный рояль.

– И мышь не пройдет! – пообещал дед, закрывая спиной дверной проем.

Когда на первых двух рядах собралось человек двадцать жителей Медведково, Аркадий Матвеевич позвенел колокольчиком, привлекая к себе внимание. Перед режиссером стоял стол, украшенный букетом полевых цветов. Рядом с вазой примостилась бутылка с минеральной водой. В нервных руках Рубинчика трепетали листы сценария. Услышав «первый звонок», Сара Леопольдовна сорвалась с места с кипой бумаг в руках. Слюнявя пальцы, она отсчитывала листы с текстом и раздавала присутствующим. Нам с Ксюхой достался один экземпляр на двоих. Пес Полкан, вздохнув, улегся у наших ног.

Только господин Рубинчик в последний раз потрянул колокольчик и прочистил горло, собираясь говорить, как в дверях произошла заминка: дед грозно кого-то допрашивал.

– Что там? – нервным фальцетом поинтересовался режиссер. – Нам дадут работать или нет?

– Дадут-дадут, – в проходе появился Волков-младший. Следом за ним шло еще несколько человек. – Может, мы тоже хотим поучаствовать в спектакле.

Найдя меня глазами и поняв, что места рядом заняты –

с одной стороны сидела Ксюша, с другой на полу развалился Полкан, Максим направился к третьему ряду и сел в кресло за моей спиной.

– Привет, красавицы, – скалясь в широкой улыбке, он по-приветствовал нас с Ксюшей. Пес Полкан открыл один глаз, но тут же вновь задремал, решив, что чести подопечных ничто не угрожает.

Присутствие Максима меня смущало, я чувствовала, что он смотрит мне в затылок, отчего постоянно ерзала и не могла сосредоточиться на сценарии. Сунула его сестре.

Для неожиданных слушателей копий не хватило, поэтому господин Рубинчик решил не затягивать с чтениями, а устно изложить суть постановки. По своей извечной привычке, Аркадий Матвеевич говорил, красуясь. Делал акценты, повышая и понижая голос, рокотал или шипел. Увлекаясь происходящим в пьесе действием, выкрикивал реплики и театрально взмахивал руками. Его супруга слушала его с благоговейным вниманием. Она любовалась им. Вот что значат настоящие чувства. Хотела бы я через тридцать лет так смотреть в рот любимому и гордиться им.

– Заяц молил о помощи, и Шапочка не смогла отказать, – трагическим голосом прервал мои размышления Рубинчик. – Ее ужасали мазки крови на его одежде, а потому она поспешила следом за Косым.

Услышав имя персонажа, которого не было в классической сказке, я сосредоточилась на пьесе. В нее явно добави-

лись герои из Колобка: Медведь, Заяц и Лиса.

Встреча с введенными в спектакль героями должна была отвлечь Красную Шапочку от основной цели – похода к бабушке. У внештатных персонажей произошел сговор с Волком, который, узнав от болтливой Шапки, что бабушка серьезно больна и неизвестно как долго продержится на этом свете, решил завладеть ее имуществом. Докажи потом, что старушка не по доброй воле переписала дом и несколько соток земли на берегу чудесного озера, где собираются строить курорт, в пользу тайного любовника. По задумке режиссера Волк был до того хорош, что перед ним не могли устоять ни девочки-подростки, считавшие его своим кумиром, ни обожающие его старушки, готовые отдать свои дряхлые сердца в его ненадежные руки. Так что никого не удивило бы, если бы Волк сделался наследником.

– Волк любит мясо пожестче? – выкрикнул кто-то с третьего ряда. Его поддержали смехом.

Рубинчик перестал говорить и строго посмотрел на нарушителя.

– Но разве Волку поверят, если у него на руках не будет нотариально заверенных документов? – моя бабушка была за реализм, поэтому беспокоилась о нюансах.

– Вот для этого ему и нужно было время! – вернулся к сценарию режиссер. Его глаза горели, голос звенел. – Пока Шапочку отвлекали Заяц, Медведь и Лиса, Волк дал взятку нотариусу Кабану, который обязался заверить дарственный

акт.

– Акт дарения наследники могут оспорить, – не унималась бабушка. – Вот если бы...

– Вероника Романовна, я тоже за реализм, – вздохнув, Рубинчик поправил черную бабочку. Накрахмаленный ворот рубашки явно натер ему шею. Осмотревшись, я заметила, что все пришедшие на пробы принарядились. – Но давайте не будем забывать, что у нас сказка.

– Это он здорово придумал, что ввел в сценарий кучу народа, – заметила Ксюша, наклонившись ко мне. – Сама сказка слишком простая. Можно сказать, всего три диалога: матери с Шапкой и дважды у Шапки с Волком.

– Так он старуху все-таки съест? – никак не мог уговориться третий ряд.

– Нет, зачем же? – Рубинчик поправил очки. Он вспотел от излишней экспрессии. – У нас не будет кровавых сцен. Хотя сообщники Серого приложат все силы, чтобы отвлечь Шапочку, она все равно явится слишком рано. Волк вынужден будет затолкать Бабушку в сундук, который у нас символизирует волчье чрево, а сам займет ее место в кровати.

– Шапочка слепая? Как можно не понять, что перед ней Волк, а не Бабушка? – опять подали голос с третьего ряда.

– Конечно же, она сразу поймет, что перед ней лежит вовсе не бабушка, но она умная девочка и будет тянуть время бесполезной болтовней, чтобы обдумать, как действовать.

– Короче, она примется заговаривать Волку зубы, – пояс-

нил мой дед, обернувшись на молодняк. – А сама меж тем станет прикидывать, с какой скоростью надо добежать до двери, чтобы ее не успели поймать.

– Не успеет, бедняжка. Все равно сожрут.

Я обернулась на подавшую голос. Сильно накрашенная шатенка откровенно прижималась к Волкову. Я никогда прежде не видела этой красотки в нашей деревне, но судя по тому, как она стрельнула в меня глазками – девица была опытной в любовных делах. Моментально почувствовала во мне соперницу. Максим, заметив мой взгляд, убрал руку незнакомки со своего колена. М-да. На Волкова устроили охоту, и вовсе не в сказке.

– Итак, предлагаю следующее распределение ролей, – Рубинчик потряс колокольчиком. Его громкой звон резанул слух. – Красная Шапочка – Анна Гончарова.

Я опешила и не сразу пришла в себя от такого поворота. Только хотела сказать, что не смогу участвовать по множеству причин, и первая из них – мой отпуск закончится раньше Дня деревни, как за спиной поднялся в полный рост Максим.

– Тогда я буду Волком, – уверенно произнес он и снисходительно посмотрел на меня. Мол, никуда не денешься, Шапка, все равно съем. – Запишите меня.

– И меня. Я буду Лисой, – поспешила застолбить место его соседка.

– Я Зайцем, – то ли шутя, то ли на полном серьезе сказал

тот, кто больше походил на медведя. Здоровяк пришел вместе с Максимом.

– Ха–ха–ха, – не удержался его тщедушный приятель, поправляя круглые очки, похожие на те, что носил Кролик в мультфильме про Винни Пуха. – Тогда я буду Медведем.

– А я Матерью, – успела вставить дама за пятьдесят, явно из дачниц.

Бабушка, видя, как молниеносно расходятся роли, выкрикнула, сорвавшись на высокие ноты:

– Бабушка моя! И только попробуйте вякнуть! Будете иметь дело с моим Полканом.

Оба полкана подали голос одновременно.

Господин Рубинчик цвел от счастья. Старожилы, не успевшие застолбить роли, возмущались. Но у одного из них еще будет шанс проявить себя. Подложу свинью Волкову. Пусть на репетиции узнает, что Красную Шапочку играю не я, а Сара Леопольдовна.

Глава 6. Про свидание Шапки с Волком

Я дождалась, когда старожилы, не получившие роли, перестали рвать режиссера и покинули клуб. Задержав господина Рубинчика у выхода, я напрямик заявила:

– Зря вы назначили меня на роль Шапочки. Я в деревне надолго не задержусь. Москва, работа и все такое, – я не стала вдаваться в подробности.

– Ничего не зря! – воодушевленно откликнулся Аркадий Матвеевич, пальцем возвращая съехавшие очки на переносицу. – Это был продуманный ход. Спасибо Сарочке, надоумила!

Он с умилением посмотрел на супругу, застывшую в дверях с кипой бумаг, букетом, что недавно украшал стол, и початой бутылкой воды. Супруга режиссера зарделась от похвалы и, видя, что я ничего не понимаю, терпеливо пояснила:

– Я сразу заметила, что сын Волкова с тебя глаз не спустит. Поэтому решили поймать его на живца. Если бы не ты, не видать нам в спектакле Максима и его компании. Как ни крути, а из семидесятилетнего Петровича никудышный волк.

– Кашляющий волк и забывающий реплики герой – это на самом деле не смешно, – Рубинчик не мог не улыбаться. Он

упивался привалившим ему счастьем.

– Молодой и сильный волк – это хорошо, – кивнула я. – Но на ближайшей же репетиции он поймет, что я взяла самоотвод. Что вы тогда будете делать?

– Когда ты возвращаешься домой? – Рубинчик устал бороться со съезжающими на кончик носа очками, снял их и принялся тереть салфеткой. Без очков его светлые на выкате глаза уже не ужасали размерами.

– Через две недели, – я немножко убавила срок отпуска. А то от заведующего клубом можно ожидать, что он побежит в правление договариваться о досрочном проведении Дня деревни.

– Ты же не откажешь старому знакомому в маленькой просьбе? – произнес он воркующим голосом. – Походи на репетиции, подыграй нам. А к тому времени, когда Волков с друзьями втянется, мы подберем ему другую Красную Шапочку.

– В крайнем случае, я возьму эту роль на себя, – кивнула Сара Леопольдовна. – Твой дед прекрасно исполнит музыкальную программу один.

«Вот же лиса, – подумала я. – Как ловко она обошла мою бабушку, мечтающую о роли Шапки. Выиграла битву титанов, всего лишь щелкнув пальцами».

Я вздохнула. Бабушка расстроится, если узнает о хитрости Сары.

– Хорошо. Я постараюсь не подвести. Но через две недели

меня здесь не будет. Когда репетиция?

– Раз задействованы все местные, то назначим на среду, – радостно отозвался Рубинчик.

– Учи роль, – Сара сунула мне в руки потрепанный экземпляр. Наверняка его в сердцах измял кто-то из обиженных.

Дома я застала обсуждение собрания в клубе. Бабушка кипятилась наглостью молодых, Надя, хоть и не присутствовала, поддакивала, дед прерывал реплики пассажирами на баяне, который дотащил назад сам. В спине не обломился. Перед ним лежал листок со списком композиций для спектакля, которые следовало выучить. А моя сестра сосредоточенно дегустировала пирожки, братья которых однажды займут место в корзинке Шапки.

– И что? – бабушка отвлеклась на меня, стоило мне появиться на пороге. – Ты решила остаться? А как же работа?

– Возьму без содержания, – вяло отбилась я. Не хотелось травмировать бабушку рассказом о заговоре Рубинчиков. Пусть все идет своим чередом. Я сама не представляла ба в роли молоденькой девочки, но упаси меня боже, сказать ей об этом.

Помыв руки, я села рядом с Ксюхой. Пирожковый аромат начисто выбивал все мысли из головы.

– Остальные уже поели, одна ты голодная ходишь, – известила меня сестра, пододвигая ближе тарелку. – С грибами попробуй. Чудо.

– Боюсь, на сцену Шапка выйдет с пустой корзинкой, –

прошамкала я с полным ртом. — Очень вкусно. Массовка не удержится, расхватает пирожки. Надо готовить реквизитные. Из папье-маше.

— Ну это вы сами, — обиделась Надя. Я и не подумала, что своим предложением отнимаю у нее причастность к праздничному событию. — Я только по настоящим пирожкам мастер.

— А ты чего молчала в клубе? — я пихнула сестру локтем. — Тоже могла бы роль получить. Про роль Охотника, например, никто не вспомнил. А его ух как можно было бы сыграть. Положительный герой.

— Мне к свадьбе надо готовиться, а не в куклы играть, — сестра еле дожевывала пирожок с капустой. Объелась. — И не с руки мне мотаться сюда каждые выходные. Вам и без меня будет весело.

В понедельник вечером домочадцев переполошил рокот мотоцикла и резкий сигнал у калитки. Надя по пояс высунулась в окно.

— А Аня выйдет гулять? — скалясь во весь рот, спросил Волков-младший.

— Иду! — крикнула я на весь дом, на ходу собирая волосы под резинку.

Совсем вылетело из головы, что согласилась на свидание с Максимом. Весь день провозилась с бабушкой, перешивая наряды для спектакля. Тарахтела на швейной машинке в

основном бабушка, а я была подмастерьем. Подай-принеси. Создание театральных костюмов увлекательное дело, вот и забыла о времени.

– Куртку надень и капюшон натяни, – Надя наблюдала, как я прыгаю на одной ноге, ища запропастившийся второй кроссовок. – Вечерами холодно. А на мотоцикле так вообще можешь мозги выветрить. Привезут назад дурочкой.

– Я в шлеме буду, не выветрит, – я схватила с крюка куртку и вылетела на крыльцо.

Это я вырядилась как попало – рубашка да джинсы, а вот Максим выглядел стильно.

Весь в черном. Кожаные штаны, косуха с готической надписью на спине и какой-то космической формы шлем.

– Я ужас, летящий на крыльях ночи! – подразнила я его.

– Цепляйся, – он постучал по заднему сиденью, сунув мне в руки шлем. Заметив, что я вожусь, не зная, каким макаром натянуть шлем (никогда прежде не приходилось рассекать на мотоцикле), со снисходительной улыбкой нахлобучил мне на голову сам.

Я визжала до самого кафе. Скорость, резкий ветер и страх вылететь из «седла» не давали рту закрыться. Я цеплялась за жизнь, вжавшись в спину Максима и цепко обхватив его руками.

– Назад пойду пешком, – выдала я, с трудом разгибая пальцы и спину, когда зверь, наконец, остановился. Дошла до кафе походкой кавалериста-новичка. Максим держался

сзади и посмеивался.

Заказал еду сам, сославшись на то, что лучше знает, что мне придется по вкусу. Он знал. Мы не раз совершали набег на погреб его бабушки за солеными огурцами и мочеными яблоками и воровали горячие пироги, неосмотрительно оставленные ею «подышать» на подоконнике.

– А кто та шатенка, что прижималась к тебе в клубе? – спросила между прочим я, осматриваясь в кафе. Сделанное на американский манер, оно было таким же бездушным. Длинный прилавок с горящими картинками блюд, ряды столов у окна. Впечатление, что находишься в вагоне-ресторане. Небольшой пятачок в торце с музыкальным автоматом. Песни на английском языке. В меню гамбургеры, картошка фри, что-то из курицы, коктейли.

– Заметила? – он улыбался так, словно я похвалила его за удачную обновку.

– Еще бы. Она едва не лежала на тебе.

– Полинка Осипова. Она у отца на фирме младшим бухгалтером работает.

– Старшим хочет быть, – я хмыкнула.

– Угадала. Думает, что я не понимаю, что ей от меня надо.

– А ты? Пользуешься положением?

– Я ничего не обещаю. Раз дают, надо брать.

– Цинично, – я щелкнула языком.

– Надо жить проще, Анюта.

– Не получается у меня проще. Совесть не дает.

Мы замолчали. Подошла официантка с кофейником, наполнила чашки.

Кафе потихоньку заполнялось. Уходили родители с детьми, их места занимала молодежь. Становилось шумно. Несколько парней с веселыми девицами подходили здороваться с Максом. Джинсы, кожа, в руках шлемы. Меня с интересом изучали. Значит, не часто Волков выбирается сюда с девушкой. На очередную так не пялились бы.

Пока ели, кто-то поставил танцевальную музыку, и парни топтались с висящими у них на шеях девчонками на пяточке у музыкального аппарата.

– Потанцуем, – Волков протянул руку. Обнял крепко. Я почувствовала перекатывающиеся под майкой мускулы. Его руки скользили по моей спине, но без наглости. – Эх, если бы не твой дед, украл бы я тебя, Снежинка.

– А что не так с моим дедом? – я улыбалась. Мне было хорошо. Приятная медленная музыка, умелый партнер.

– Полковник обещал отстрелить мне яйца, если с тобой что-нибудь случится.

Я рассмеялась.

– И когда только успел?

– Может, начнем встречаться, а? Тянет меня к тебе, – Максим дышал в ухо. Электрические импульсы щеkotно простреливали от шеи вниз. Я начинала заводиться. Волков был из тех мужчин, что поражают звериной сущностью. Есть в них что-то от природы. Дикое, завораживающее.

– А как же Полина?

– Кому нужна Полина? Бухгалтерии? Мне – нет.

– Я скоро уеду.

– Ах, да. Забыл. Там ждет другой.

«Может, и не ждет».

Я вздохнула. Вслух говорить не стала, не желая давать надежду. Курортные романы меня не устраивали. Я не Полина. А к серьезным отношениям еще не готова. Болело у меня при воспоминании об Андрее.

– Может, дашь мне хотя бы попробовать? – губы Макса сомкнулись на моей шее, но я дернула плечом, заставляя Волкова поднять голову. – Вдруг я поражу тебя игрой в спектакле?

Он улыбался.

– И я стану твоей фанаткой?

– Нельзя отказывать в шансе, – выдал Волков, сделав серьезное лицо.

Я ничего не ответила. Время покажет.

Договорившись встретиться в клубе на репетиции, мы расстались. Попытку поцеловать меня в губы я пресекла, подставив щеку.

Родственники встретили равнодушными лицами, но потому, как были задраны занавески на окнах, выходящих на калитку, было понятно, что они наблюдали за нашим прощанием.

– Не видать тебе роли Шапки, – тихо произнес дед, держа

газету вверх тормашками, на что бабушка обиженно поджала губы. А я потопала в свою комнату, пытаясь разобраться с чувствами.

Глава 7. Воспоминания о былом

Во вторник я учила роль, а к вечеру вдруг вспомнила, что на третий день нужно было забрать записку из дупла. Боясь нарушить правила общения с Лесным духом, я поспешила в сторону дубовой рощи. Смеркалось. Ругая себя на все лады, что не выбралась за околицу в светлое время суток, я шла по едва видной тропинке и оглядывалась. Мне мерещилось, что за мной наблюдают. И еще я переживала, что легко вернуть послание не получится. Как бы мне не пришлось лезть на дерево. Записку в дупло я закинула в прыжке, а для того, чтобы вынуть, подобный фокус не пройдет.

– Балда. Почему ты не подумала взять фонарик? Как будешь шарить рукой в темной дыре? – я разговаривала с самой собой и все больше трусила. – А вдруг там змея?

Добравшись до трех дубов, я от неожиданности остановилась. Под тем самым, с дуплом, появилась миленькая скамеечка. Когда я пошла вокруг дерева, осматривая умелое творение рук человеческих, то обнаружила, что она кольцом обхватывает ствол. На такой приятно посидеть, наблюдая то за закатом над озером, то за рассветом над сосновым лесом. Поблагодарив любителя прекрасного, я залезла на скамью. Теперь дупло было вровень с моим лицом. Осторожно, с ужасом ожидая прикоснуться к чему-нибудь живому, я шарила внутри. Дно дупла устилало нечто, похожее на ошупь

на солому и пух. На мгновение я испугалась, что записки нет – ее нашел кто-то другой, но, наткнувшись на сложенные в несколько раз листы, выдохнула с облегчением.

Домой бежала. Как-то слишком быстро опустилась ночь, и обратный путь я выбрала через центральную хорошо освещенную улицу. Уже поворачивая к нашему переулку, неожиданно попала в руки Максима.

– Ты куда летишь, Снежинка?

– Да, так. Решила перед сном размяться, – я вывернулась из его рук. Усадьба Волковых находилась совсем в другом конце деревни, рядом с моим домом не было ни магазинов, ни жилья его приятелей, так что я сразу поняла, что Макс поджидал меня.

– А это что? – он кивнул на руку, в которой я комкала свою же записку. – Роль учишь?

Я растерялась и собиралась начать нести ахинею, но Макс сам подсказал ответ. Отдавать ему в руки историю своих прежних отношений я не хотела. Слишком личное. Одно дело выложить душу перед эфемерным Лесным духом, совсем другое – перед человеком, который тебе небезразличен. Мне не хотелось, чтобы Максим знал, что я оказалась в кровати с Андреем после первого же свидания. Я была ошеломлена боссом. Влюблена и вела себя, как дура.

– Пойдем, погуляем? – Волков протянул руку, но я сделала шаг назад

– Прости, но сегодня я хотела лечь пораньше.

– А уж как я хотел бы. Лечь, – Макс улыбался. Его глаза загадочно мерцали в темноте. Из палисадника за спиной неприятно пахло мокрой листвой и хризантемами. Кто-то из соседей слишком громко слушал новости. А Волков не знал, как меня удержать. Вытаскивал из кармана руку, чтобы взять мою, но, опомнившись, прятал назад.

– До завтра, Макс.

– До завтра, Снежинка.

Я сама чмокнула его в щеку и ланью понеслась к своей калитке. Зря я вспомнила об Андрее. Теперь не уснуть. Так и буду крутить в голове события моего с ним знакомства.

В производственную компанию я попала случайно. Наткнулась на объявление о наборе менеджеров. Прошла собеседование и через три дня осваивала новое место работы. Андрея Викторовича увидела не сразу. Коллеги упоминали, что он строгий, едкий, что легко может оборвать, выговорить, даже довести до слез. Я представляла владельца крупной группы компаний суровым мужчиной под шестьдесят, но он оказался молод. Как выяснилось, ему нет сорока. Чуть выше среднего роста, подтянутый, широкий в плечах и узкий в бедрах. Костюмы на нем сидели великолепно. Или это потому, что он покупал одежду только известных брендов? Не сказать, что красавец, но правильные черты лица и умный взгляд располагали к общению.

Он зашел в наш кабинет, и все восемь сотрудниц поднялись. Я следом.

– Здравствуйте! – произнес он, оглядывая присутствующих. На лице начальницы отдела выступил румянец. – Я узнал, что у нас появился новый член коллектива?

Он нашел меня глазами, и его губы тронула улыбка.

А я удивилась не только тому, что он молод, но и как свежо выглядел. Любая женщина позавидовала бы такой чистой коже. Он был как с обложки глянцевого журнала.

– Что ж, Анна Михайловна, идемте в мой кабинет. Познакомимся.

Я уже знала, что он лично просматривает анкеты приглашенных на собеседование и ставит резолюцию на тех, что привлекли его внимание. Позже от него самого я узнала, что одной моей фотографии было достаточно, чтобы он заинтересовался «молодым специалистом». Поздно меня предупредили, что босс легко меняет любовниц. К тому времени я уже верила в его чистую любовь.

Умелый соблазнитель, он бросил мир к моим ногам. Буквально. Я сопровождала его во всех командировках по зарубежью, а ночи мы проводили в одной постели. Андрей был профессионален во всем. И я рядом с ним росла. Он сразу отнял у меня бульварное чтиво, которым я хотела развлечься во время перелетов, и дал список книг по бизнесу и маркетингу, которые я просто обязана была прочесть. Нельзя было отлынивать. Он проверял, как я усвоила материал. Босс доминировал везде. Не только в работе и в постели, но и в моей голове.

– Может так случиться, что мы однажды расстанемся, – говорил он обыденным голосом, даже не поднимая головы (что-то высчитывал на телефонном калькуляторе). Ни минуты без дела. – Я хочу, чтобы ты вынесла много полезного из наших отношений и запомнила меня не только как любовника, но и учителя. Пользуйся, пока я рядом.

Наверное, разрыв отношений на пике «любви» – закономерный исход для Андрея Викторовича. Он уставал от однообразия. Ему хотелось свежести и новизны. Да и женщина, до того глядевшая ему в рот, выросла, умнела и начинала желать большего. А большего он дать не только не был способен, просто не хотел. Как оказалось, когда-то он был женат и развелся, имел сына и считал опыт нахождения в законном браке достаточным, чтобы не вляпаться в него вновь. Жизнь свободного богатого мужчины его вполне устраивала.

Жаль, что я поняла, насколько была от него зависима, только здесь, в деревне, когда писала то самое письмо на четыре страницы. Полезно однажды изложить свои мысли на бумаге, чтобы разглядеть себя. Я в какой-то мере была благодарна гадалке, заставившей поковыряться в болезненно ноющей душе. Мне определенно сделалось легче.

Кинув бабушке, смотрящей с дедом телевизор, что я уже вернулась, отправилась на кухню. Вытащив из-под самовара поддон, бросила на него свое послание, достала коробок спичек и только когда поднесла к бумаге горящую головку, поняла, что притащила из дубовой рощи совсем не свое пись-

мо. Я писала на тетрадном листе в клеточку, а сейчас видела гладкую поверхность. Белоснежную и девственно чистую. Никаких затертых уголков и грязных сгибов, что говорило бы о том, что свернутая в несколько раз бумага давно лежала в дупле.

Я забыла о спичке, пока та не обожгла мне пальцы. Шипела, дергая рукой, и пялилась на чужой лист, не понимая, как могла ошибиться. Ладно, там, у дуба, было темно, но я ни разу не взглянула на то, что несу, пока шла по хорошо освещенной улице.

Глава 8. Дубровский, прием-прием!

Я села, чтобы не стоять столбом, и только после этого развернула бумагу. Мелькнула мысль, что не меня одну гадалка послала пожаловаться на судьбу к лесному духу. Тогда письмо нужно вернуть, ведь читать чужие излияния неприлично, но первая же строка заставила меня трудно сглотнуть. Размашистым почерком на листе было написано: «Здравствуйте, дорогая Маша!». Руки моментально сделались влажными, как только я осознала, что мое письмо, которое я подписала как «просто Мария», читал посторонний.

Потихоньку, шаг за шагом, я отдалялась от Андрея и его контроля, и мне не хотелось, чтобы о непродуманных отношениях «Марии» с боссом кто-то знал. Я скрывала подробности даже от близких. Наверняка, если по деревне пойдут сплетни, люди осудят бедную Машу за желание сделать карьеру через постель, не понимая, что для прототипа на первом месте всегда были чувства. Я не видела недостатков Андрея, считала его чуть ли не богом.

Сейчас было удивительно осознавать, насколько сильно Андрей Викторович завладел моим умом, и насколько я оказалась податлива. Я потеряла себя. Постоянно оглядывалась на своего возлюбленного и не могла без его одобрения выбрать книгу или наряд в ресторан.

Странно, что я начала приходить в себя только тогда, ко-

гда между нами легли километры. Неужели, мои родители просто ждали часа, когда меня можно будет безболезненно от него оторвать? Вмешайся они раньше, и я воспротивилась бы, злилась и цеплялась за него.

Я заставила себя опустить глаза на исписанную ровным почерком страницу.

«Здравствуйте, дорогая Маша!

Я прочел ваше письмо, хотя не имел на то права, и отважился ответить, ведь вы так проникновенно просили совета. Правильно говорят, время лечит, а расстояние проверяет отношения. Все, что происходило с вами, мне видится абюзом, насилием над личностью. Вы не написали, но я уверен, что со стороны вашего возлюбленного были некрасивые проявления ревности».

Я перестала дышать. Кем бы ни был мой собеседник, он догадался – я переживала ужасные сцены ревности. После одной из них я две недели ходила в одежде с длинными рукавами, чтобы родители не видели синяки, оставленные пальцами Андрея чуть выше локтя. Он вытащил меня из машины рывком и «наказал» тем, что уехал в Альпы кататься на лыжах без меня, хотя билеты были куплены заранее. Я всего лишь рассказала, что познакомилась на выставке с директором конкурирующей компании и выпила в его компании чашечку кофе. Все мои уверения, что я хотела узнать о конкурентах побольше, напросившись к ним на производство, в расчет не принимались.

– Дура, он затащил бы тебя в постель. Я Холмогорова знаю, он только для этого знакомится с хорошенькими женщинами. А ты моя. И только моя.

Почему, ну почему после слов «Ведь мне самому не составило труда затащить тебя в постель», я не отвесила ему пощечину и не ушла? Влюбленная дуручка.

Я вздохнула и вернулась к чтению.

«На вашем месте я использовал бы свой отпуск для общения с людьми. Хорошо было бы, чтобы вы оказались в коллективе, объединенном одной захватывающей идеей. Чем больше будет людей вокруг вас, тем лучше. Вам нужно лечиться от одиночества, ведь, согласитесь, с Андреем вы стали одиноки. Он отгородил вас от друзей и знакомых. Не удивлюсь, если узнаю, что в итоге ваш босс посадил вас в отдельный кабинет, чтобы к вам можно было зайти в любой момент, когда ему того захочется».

– Черт! – выругалась я и закрыла глаза. Все так.

Как только мы стали любовниками, меня повысили до должности начальника отдела внешних связей и перевели на другой этаж. Я представляла нашу компанию на мировом рынке, благо закончила спецшколу с глубоким изучением романо–германских языков. Деловая переписка, реклама, загранкомандировки и личный контроль босса. Рядом с моим кабинетом находились архив и техническая библиотека, куда заглядывали заводские инженеры и офисные технари. В столовую я спускалась по центральной лестнице, и никто

не знал, что в мой кабинет ведет еще одна, служебная, по которой и поднимался Андрей. Ему нравилась острота ощущений, когда за стеной в архиве слышались голоса, а он целовал меня и расстегивал пуговицы на блузке. Он выкладывал все три свои телефона рядом и отвечал на звонки, даже когда мы занимались любовью.

– Как я могла? – я закрыла ладонями лицо. – Он же пользовался мною! А я ждала и радовалась, если у него выпадала минутка заглянуть ко мне.

Я смахнула слезы стыда и продолжила чтение.

«Уверен, скоро вас настигнет прозрение. А следом придет ощущение свободы, и вряд ли вы захотите вернуться к прежнему образу жизни. Во всяком случае, я в это верю.

P.S. Не хочу прощаться с вами. Вы взволновали меня своей историей. Я хотел бы видеть, как вы меняетесь, выздоравливаете. Сделайте переписку со мной своим лекарством. Обещаю, что ни словом, ни намеком, ни жестом не упрекну вас.

Всегда ваш, Дубровский».

Концовка меня поразила. Понятное дело, что Дубровским он назвался только потому, что я подписалась Марией. А это означало одно: он не поверил, что это мое настоящее имя. Кто-то, кто строил скамейку вокруг дуба, нечаянно обнаружил мою записку и не смог не откликнуться на крик о помощи.

Я должна была написать ему, что нехорошо читать чужие

письма, что всю историю я выдумала, шутя обращаясь к лесному духу, но... не хотелось. Может быть, мне на самом деле сделается легче, если я выговорюсь незнакомцу? В поезде я большей частью ехала лицом к стене, но волей-неволей слышала разговоры своих попутчиков. Они легко рассказывали о себе, порой даже такое, о чем не поделишься с близкими. Люди были уверены, что никогда не встретятся вновь, и могли присочинить. В дороге мы становимся более раскованными и откровенными.

Дубровский не знает, кто я, я не знаю, кто прячется за нашим именем, так почему бы не продолжить игру? В деревне почти две тысячи жителей, не считая дачников и гостей. Мало ли, какая Мария крутится у клуба, где намечается спектакль? Гадалку вон тоже зовут Марусей.

Я вернула самовар на место, передумав жечь записку. Выпив стакан парного молока, пошла к себе и села за ответное письмо.

«Дубровский, здравствуйте!

Спасибо за участие, но с первым советом вы опоздали – я уже нахожусь в кругу людей, которые заставили забыть о... о прошлом. Вы, наверное, уже слышали, что в клубе ко Дню деревни готовится спектакль про Красную Шапочку? Мне не придется участвовать в постановке, так как мой отпуск закончится раньше, но я обязательно найду себе занятие по душе.

И да! Спасибо вам за скамеечку у дуба. Она чудесная,

как и природа вокруг. Не ругайтесь, я воспользовалась ею, как подставкой. Чтобы добраться до дупла, мне пришлось бы лезть на дерево белкой.

P.S. Пожалуйста, напишите о себе. Я уверена, что вам тоже не помешает душевная терапия.

Маша».

Я написала, что не буду участвовать в спектакле, по двум причинам. Первая – я на самом деле скоро уеду домой. Вторая – не хотела открывать своего инкогнито. Мы незнакомцы, пусть так и останется. Если я скажу, что получила роль, то вычислить меня будет совсем несложно. Еще очень хотелось узнать, сколько Дубровскому лет и как он выглядит. Ведь могло случиться, что я переписываюсь с пожилым дачником (а тон письма и умение разбираться в ситуации как раз об этом говорили), но своими расспросами я побоялась вызвать ответный интерес. Вступив в подобную игру, мы рано или поздно вычислили бы друг друга по приметам в сообщениях, а я предпочла бы, чтобы меня не ассоциировали с мямлей Машей, оказавшейся в руках абыюзера. Поэтому не стоило начинать.

Напиши я хоть слово о своей внешности, и найти меня среди толпы было бы несложно. Несмотря на неуловимую схожесть Гончаровых, меня выделяло среди них одно существенное отличие. Папа с детства называл меня Белкой или Бельчонком. Только у меня в семье были золотисто-рыжеватые волосы. Говорят, я пошла в прадеда, который славился

не только рыжими вихрами, но и веснушками. А я их ненавидела. Старательно скрывала под косметикой и не ходила под солнцем без шляпы или специального УФ-крема. Андрей тоже говорил, что они простят меня и делают моложе. А он не хочет спать с подростком.

Пока я провозилась с письмом, в доме все уgomонились на ночь, и я не рискнула выйти за порог, чтобы блуждать в кромешной тьме по дубовой роще. Отложила пробежку на раннее утро.

Глава 9. Загадки для ума

Утром я проспала. Открыла глаза, когда позвали на завтрак. Быстро умылась и наспех подкрепились. Письмо Дубровскому жгло руки, хотелось как можно быстрее положить его в дупло, чтобы на завтра получить ответ. Тайный адресат волновал, а игра с ним увлекала.

Так как я выбралась из дома поздновато по сельским меркам – везде повсюду кипела работа, пришлось сделать вид, что отправилась за желудями. Две хавроньи очень их уважали. Тетка даже благодарить начала за заботу и внезапное подключение к ведению домашнего хозяйства. А мне сделалось стыдно, что я не подумала предложить помощь. Хватит с добросердечной Надюши одной королевы – моей бабушки.

Мне вручили огромную корзину, и я поняла, что в дубовой роще мне придется провести немало времени, чтобы ее заполнить. Ну и хорошо. Заодно слежу, кто наведается к дереву за моим ответом. Одеюсь как можно незаметнее, чтобы слиться с природой. Дедовская куртка хаки оказалась как нельзя кстати.

Озираясь, словно шпион, я первым делом убедилась, что вокруг трех дубов никого нет. Закинула записку в дупло и отправилась к основному массиву деревьев, откуда больше глазела на тропинку, чем собирала желуди. Где-то через час я была вознаграждена. У скамейки появился мужчина. Со-

гнувшись пополам, я перебежала к более удобному пункту наблюдения и спряталась за стволом. Разглядев, что у скамейки размахивает руками и ногами старик, была несколько разочарована. Но наблюдать за ним было интересно. Он даже повисел на одной из веток, а потом принялся лихо играть клюкой и желудями в гольф. Посидел немного на скамейке, чтобы вернуть себе нормальное дыхание. Заодно поглазел на озеро, куда высадился десант из домашних гусей и уток. Разминка и прекрасный вид благотворно подействовали на старика – он удивительно бодро потопал назад. Размахивал клюкой и даже насвистывал что-то веселое.

Следом за ним к скамейке пришли бабушки-дачницы с малолетними детьми. Их беспрестанная болтовня меня мало интересовала, поэтому я вернулась к корзине. Как только смолкли детские крики, на тропинке появилась парочка подростков. Сев так, чтобы их не было видно с дороги, принялись целоваться. Пятясь, я нечаянно наступила на сухую ветку. Раздавшийся «выстрел» испугал меня и встревожил парочку. Разглядев свидетеля их поцелуев, они сорвались с места и со смехом убежали к озеру.

За те три часа, что я собирала желуди, кто только под дубом не побывал. Я уже перестала обращать внимание – за всеми не уследишь. Народ словно ждал, когда кто-то умелый соорудит скамейку, чтобы облюбовать ее, и превратить тенистый пятачок в любимое место отдыха.

Наполнив корзину, я дождалась, когда все, наконец,

разойдутся, и специально прошла мимо дуба, чтобы заглянуть в него. Забравшись на скамейку, пошарила в дупле рукой и... не обнаружила своей записки. Мало того, кто-то основательно почистил «почтовый ящик», вытащив веточки и соломку. Утром я не обратила внимание, были они на месте или нет – быстро закинула письмо и ушла за желудями. Осталось только гадать, кто его забрал. Дам с детьми и старика я отмела сразу, а остальных заподозрила в соучастии Дубровскому.

– Что ты здесь делаешь?

Я обмерла от страха. Увлеченная размышлением, не заметила, как ко мне подкрались.

– Да вот, желуди собираю, – откликнулась я, разворачиваясь и кивая на корзину. Передо мной стоял Волков-младший. В рабочем комбинезоне, в простой клетчатой рубашке, он напоминал рекламного героя советских времен, где рабочие искренними улыбками и крепким рукопожатием изображали дружбу с колхозниками. Максимум еще бы сноп сена в руки дать.

– Так желуди на земле нужно собирать, а не с дерева, – хохотнул Максим.

Наклонившись, он поднял несколько и бросил в мою корзину. Заметив, что я намереваюсь прыгнуть со скамейки, подхватил меня и снял, словно ребенка. Специально сделал так, чтобы, сползая вниз, я проехала по его груди.

– Может, сходим к озеру? – предложил Макс, мотнув го-

ловой. — Там красиво. Лягушки поют.

Лягушки. Я улыбнулась, вспомнив, как мы с Волковым загорали на одном полотенце. Тогда тоже пели лягушки. Максим пытался сосчитать веснушки на моем носу. Смеялся и смотрел с обожанием. А кое-кому эти веснушки не понравились.

— Ты же вроде на работе? — стоило вспомнить Андрея, как настроение испортилось. Дура я. Зачем столько терпела? Почему не видела, что не любит? Даже в мальчишке из детства было больше любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.